A stylized graphic of a flame or fire, composed of several curved, teardrop-shaped elements in shades of red, yellow, pink, and magenta, arranged in a fan-like pattern pointing upwards and to the right.

Митрополит
Антоний
Сурожский

Бога нельзя выдумать

Беседы с подростками
о Христе и Церкви

митрополит Антоний Сурожский

Бога нельзя выдумать

«Никея»

2021

УДК 246
ББК 86.372

Сурожский м.

Бога нельзя выдумать / м. Сурожский — «Никея», 2021

ISBN 978-5-907828-07-0

Эта книга — беседы митрополита Антония с подростками в летнем лагере Сурожской епархии. Владыка говорит с ними очень честно и очень глубоко — кажется, в чем-то глубже и откровеннее, чем со взрослыми. О страхах. О скуке. Об агрессии. О юродивых и ересях. О неведомом Боге. О Голгофе и таинствах. И обо всем творении — в ликующем танце Его любви. Поэтому эту книгу можно назвать Евангелием опыта, крайне значимого в наши дни. Даже те, кто давно читает книги митрополита Антония, найдут для себя здесь немало нового и необычного. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 246
ББК 86.372

ISBN 978-5-907828-07-0

© Сурожский м., 2021
© Никея, 2021

Содержание

От редакции	10
Предисловие	12
Часть I	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Антоний Сурожский, митрополит Бога нельзя выдумать. Беседы с подростками о Христе и Церкви

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р21-019-0482

Текст подготовлен совместно с Фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

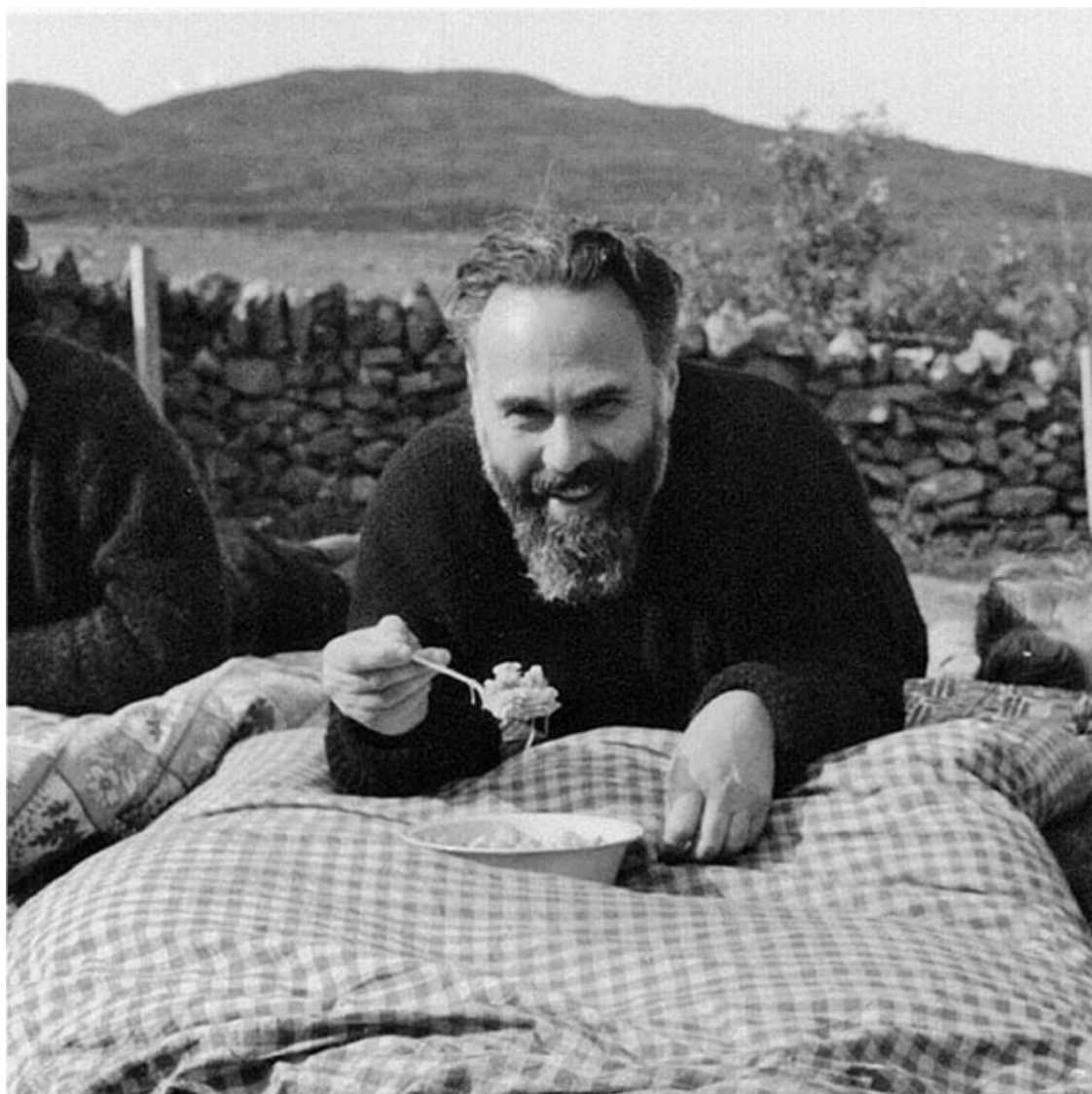
Перевод с английского А. Дик, В. Ерохиной, М. Завалова, И. Крейниной, А. Михеева

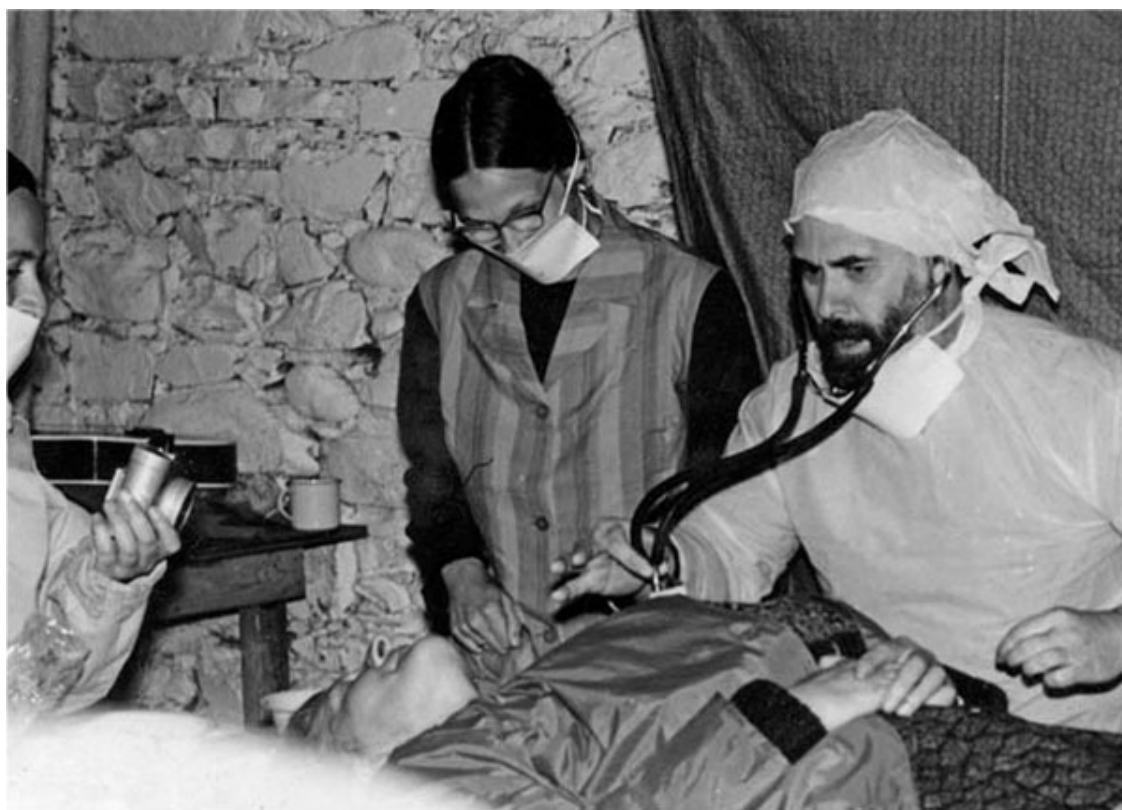
© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation, 2021

© ООО ТД «Никея», 2021

* * *

От редакции

Тексты, которые собраны в этой книге, – сохранившиеся и переведенные с английского языка беседы митрополита Антония с подростками и молодыми людьми, вожатыми в летнем лагере Сурожской епархии. Лагерь проводился в Уэльсе каждое лето начиная с конца 50-х – и проводится до сих пор. Его участники – ребята 9–16 лет и их наставники, вожатые – 16–20-летние молодые люди. Часть подростков – дети оказавшихся разными путями в Англии русскоязычных прихожан Сурожской епархии, часть – дети англичан, которые стали православными.

«Примерно в самом конце 50-х годов мы на небольшом участке земли в Уэльсе поставили брезентовые палатки, – вспоминал один из старейших „лагерных“ участников священник Петр Скорер. – В первые годы собиралось человек 25–30. Организатором была Татьяна Борисовна Бер. Лагерь был в ее стиле – „большая семья“: там были и малыши, и подростки, и юноши. Митрополит Антоний приезжал время от времени на пару дней, проводил беседы с молодежью, молился, участвовал в разных мероприятиях, ходил в походы, очень любил спорт, особенно волейбол, и разные игры».

Со временем сын Татьяны Бер смог там же в Уэльсе купить участок земли – место невероятной красоты на склоне горы, – и лагерь начал быстро расти. В 90-е годы в него приезжало уже до 150 человек – дети не только из Англии, но и из других стран, в том числе из России.

* * *

Сам владыка с детства ездил в скаутские лагеря. «Первый раз я попал в летний лагерь, когда мне было десять лет, – рассказывал он. – Первые годы не было ни кроватей, ни матрасов, мы спали на голой земле на газетах, завернувшись в одеяла. Потом разбогатели, появились нары, можно было лежать над землей, и в одном из лагерей это нам очень пригодилось. Человек, который нанимал место, не говорил по-французски, и ему дали участок земли, который в контракте значился как „болотистое место“, но он не знал перевода этих слов и подписал контракт. Когда начались дожди, вода поднялась в палатках на двадцать сантиметров – если бы не нары, мы бы плавали... И все же это было место, где мы получали то, чего нигде больше не могли получить: церковь в палатке, уроки русского языка и русской истории, мы пели по-русски и ходили в походы, и вся жизнь была оторвана от того ужаса, который существовал тогда в домах очень, очень многих детей. Мы делились, чем могли, но не всегда было чем делиться» – это воспоминания владыки о 30-х годах во Франции.

Конечно, лагерь Сурожской епархии, где совсем в другое время были произнесены беседы, попавшие в эту книгу, отличался от лагерей детства митрополита Антония – однако и в нем пребывал дух взаимопомощи, дружбы, любви, дух сопричастности и разделенной радости – все приезжавшие в лагерь вспоминают об этом.

Эти две летние недели оказывались огромной духовной и психологической поддержкой. «Опыт православных в Англии совершенно иной, чем в России, – говорил отец Петр Скорер. – Мы здесь в абсолютном меньшинстве, нет никакого культурного и традиционного багажа, и наши дети с точки зрения вероисповедания здесь чужие. И когда они собираются вместе в лагере – это дает потрясающее чувство солидарности. Здесь берет начало глубокая многолетняя дружба. Здесь родилось несколько браков. Многие приезжают из районов, где нет церкви – а здесь есть шатровый храм, и некоторые дети потом говорят: наш храм – здесь, наш приход – в лагере».

* * *

Владыка любил говорить с подростками. Его беседы с будущими вожатыми проходили не только летом в лагере, но и в течение всего года в лондонском приходе. Темы были очень разными – от юродства и жизни после смерти до истории ересей и жизни апостолов. Вы увидите, читая эту книгу, какие серьезные темы поднимались в этих разговорах, как предельно честно владыка отвечал на вопросы детей и молодых людей. Даже те, кто давно читает книги митрополита Антония, найдут для себя здесь немало нового и необычного. Кажется, что с подростками владыка был в чем-то более откровенным, чем со взрослыми.

«Митрополит Антоний, – вспоминает одна из участниц этих бесед, – всегда беседовал с детьми как *с людьми*. Не как со взрослыми, а именно как с людьми – он всех нас включал, он интересовался мнением любого».

У архимандрита Льва (Жилле) в одном из текстов есть удивительная фраза: «А вы помните слезы молодости?» В возрасте 15–16 лет у нас может быть такое глубокое переживание, что оно никогда не забудется... Эти беседы митрополита Антония оставили глубокий след в сердце тех, кто слышал их тогда. И мы очень надеемся, что они оставят такое же насыщенное, серьезное и сильное впечатление и у вас – их сегодняшних читателей!

Предисловие

Сейчас такое время, когда все привыкли к открытости, к просмотру чужой жизни и демонстрации своей – это подарил нам интернет и социальные сети. И тут не так важна мера и глубина взаимной открытости, важно, что эта открытость реальна – пусть и в чем-то она напускная и приукрашенная.

Прозрачной стала и православная жизнь. В социальных сетях мы наблюдаем ее разной и пестрой, как толкучку в базарный день. Нередко она предстает залакированной, монументальной, порой похожей на асфальтоукладчик.

И благодаря открытости стало понятно нечто парадоксальное – почти не видно, почти не слышно человек. Почти не звучит среди христиан голос их «я». И это поразительно. Людям как будто нечего сказать о себе, от себя и за себя, и потому они постоянно говорят о чем-то стороннем. Помню видеоподкаст с известным богословом – за час разговора он не ответил ни на один личный вопрос.

Вера, начавшаяся с личных отношений и имен (вспомним Авраама), вера, ставшая личным призывом от Самого Христа – Сына Божьего, сегодня почти не явлена личным опытом. Но разве это не то, что нам следовало бы знать в первую очередь о христианской вере? И как сегодня православие предстает тем, кто желает с ним познакомиться?

Мы слышим, что есть древняя традиция, именуемая Преданием, и ее нужно принять и цитировать. И очень многие православные погрузились в воды этих отнюдь не всегда прозрачных потоков древности. «А при чем тут я лично?» – слышен робкий внутренний голос. А в ответ ничего... И получается, что верующая душа часто не находит себя в той православной жизни, что ее окружает. Порой она вынуждена «надеть» эту жизнь, как некую одежду, и носить ее. Но только чувствуется дискомфорт.

В итоге сообщество христиан не имеет смелости и решимости распахнуть себя, явить себе и всем Христа и свою личную жизнь во Христе. Православные христиане не имеют доверия к самим себе и потому не могут сказать что-то личное тем, кто рядом.

* * *

Я хочу спросить тех, кто держит в руках эту книгу: хотите услышать христианина? Хотите узнать живого, рассуждающего, искреннего, ошибающегося, ищущего ответы человека?

Я предлагаю вам прочитать эти беседы митрополита Антония. И вы увидите жизнь, наполненную и даже преизливающуюся христианской верой! Эта книга – пример смелости и решимости говорить о том, что созрело на сердце и в душе. Эти беседы дают опыт – как быть собой и быть с Богом.

Митрополит Антоний очень часто говорит «я». Именно поэтому мы знаем правду. Знаем, как он думает, чего опасается, чему радуется, чему доверяет, чего ждет, как оценивает что-то, как относится к разным людям, о чем жалеет, над чем смеется. И все это – как христианин, как ученик Христа.

Часто митрополит Антоний – и в этой книге вы это увидите – говорит своим слушателям-подросткам: «Я даю вам некоторые возможные ответы», «Я даю вам пример из своей жизни», «Вы можете с недоверием отнестись к тому, что я сейчас скажу», «Я думаю так-то и так-то», «Я пришел к такому-то выводу», «Общепринято считать так-то, но я подчеркиваю, что это лишь распространенная точка зрения»...

Он открыт своим собеседникам, он доверяет им, доверяет своему слову и доверяет свое слово слушающим. Не навязывает и не приказывает, а ждет, пока встретившиеся ему люди

смогут приобщиться христианскому опыту, пока в них прорастет и проснется нечто очень важное, то, что приближает к Богу.

Откройте книгу – и вы найдете на ее страницах множество живых историй и зарисовок. И это не благочестивые рафинированные байки. Истории митрополита Антония осязаемы и просты, они могли бы произойти рядом с каждым из нас. И эти истории ясно говорят нам, что христианство – про нас.

Книга очень вдохновляет, потому что свобода собеседников митрополита Антония остается при них. Свобода читающих эту книгу останется с ними. А значит, при каждом читателе остается он сам и его личная вера в Бога. Значит, читатель с доверием сможет относиться к себе, к своему опыту, к своим рассуждениям. И в какой-то момент понять, что в его сердце и душе что-то созрело. И набраться решимости свидетельствовать об этом.

*Юрий Белановский,
руководитель Молодежного добровольческого движения «Даниловцы»*

Часть I

Скажите честно! Ответы на вопросы

– Как любить людей, когда знаешь, что эти люди могут тебя предать и возненавидеть? Когда вдруг понимаешь, что не очень-то ты нужен...¹

– Одна из наших ошибок заключается в том, что мы встречаем человека в определенный момент жизни, между нами внезапно возникает глубокая связь, а затем мы пытаемся поддерживать эту связь на том же уровне глубины – но это невозможно сделать искусственно.

Это может совершиться как чудо. Однажды мы внезапно по-настоящему встречаемся с человеком и должны быть готовы позволить ему уйти и вернуться, возможно, через десять, двадцать лет или вообще никогда. Есть еще одна поразительная для меня вещь – Бог знает о человечестве больше, чем знает человек.

Если говорить об этом в малом масштабе, я приведу такой пример. Однажды ко мне пришла пара – румынка и англичанин. И молодой человек сказал: «Я абсолютно не верю в Бога, но она хочет венчаться, и я не против». Тогда я говорю: «А я против. Я не буду вас венчать». Он спросил: «Почему? Это же просто обряд, что в нем такого?» Я отвечаю: «Многое». – «Приведите пример». Я говорю: «Нет, я не буду приводить пример, я возьму последование таинства брака, и мы с вами прочтем его». Мы начали читать, и я помню, как примерно на середине последования обручения он перебил меня и сказал: «Я никогда не думал, что Церковь и Бог знают о человеческой любви больше меня. Вы должны научить меня, потому что это намного глубже, чем я мог себе представить». И так мы изучили последование венчания от начала до конца, по мере чтения мы всматривались в разные части и фразы, и он попросил, чтобы до венчания его крестили, не столько потому, что он встретил Бога, сколько потому, что обнаружил: Бог больше него знает о человеке и о человеческой любви.

– Христиане сегодня что-то делают не так? Иначе как объяснить, что так много людей равнодушны к христианству?

– Я думаю, Богу от христиан в первую очередь нужна правда, нужно, чтобы мы были честны. Есть удивительные слова у Марка Подвижника, который говорит: «Если Бог встанет перед тобой и повелит тебе что-то сделать, а твое сердце при этом не может сказать „Аминь“, не делай этого». Он имеет в виду, что Богу не нужен твой поступок, Он не хочет, чтобы ты был послушным, хорошо дрессированным животным. Он хочет, чтобы ты нашел гармонию между тем, что Он сказал, и собой, так, чтобы действие исходило от тебя, а не от повеления извне. И я думаю, это крайне ценная вещь – не бояться, потому что Бог не хочет, чтобы мы подчинялись вопреки нашим чувствам или убеждениям.

Знаете, христианам свойственны две ошибки, которые мы все время совершаем. Я имею в виду не само христианство или Евангелие – но нас. Во-первых, мы боимся того, что называют сомнением. Английское *doubt*, «сомнение», происходит от латинского слова, которое означает «место, откуда можно пойти разными дорогами». Оно означает, что ты шел самым простым путем и попал в такое место, где все становится сложнее. Ты уже не восьмилетний мальчик и не двенадцатилетняя девочка, тебе восемнадцать, двадцать, семьдесят лет, неважно, и ты уже не можешь верить в образы и идеи из раннего детства. А второе, что мне представляется крайне разрушительным: мы придаем первостепенное значение заповедям, поскольку мы видим заповеди в Ветхом Завете и заповеди в Новом Завете. Но если задуматься, можно понять, что они

¹ В этой части собраны вопросы и ответы из разных бесед владыки с подростками – вожатыми лагеря. Перевод с англ. А. Дик, В. Ерохиной, М. Завалова, И. Крейниной, А. Михеева.

резко различаются. Ветхозаветные заповеди – это способ засвидетельствовать Богу, что ты неукоснительно следуешь Его воле, и если ты исполнил их, то ты праведен, другими словами, ты с правой стороны от Бога. Это был путь к праведности. В Новом Завете Христос говорит нам: «Когда исполните все повеленное вам, поймите, что вы рабы, ничего не стоящие», потому что исполнять – не самое главное. Вопрос в том, стало ли это частью тебя, твоей истинной природой, а не навязанным сводом правил поведения.

Я вспоминаю одного человека, который жил в Эльзасе. Он был очень хорошим христианином, ни один нищий не проходил мимо его дома, не получив помощи. Когда нищий стучал в его дверь, он открывал дверь и спрашивал: «Чего тебе нужно?» – «Немного еды и, быть может, немного денег». – «Хорошо, ты все получишь. Не входи в коридор в этой грязной одежде. Вот миска супа, ешь. Вот монетка. А теперь уходи». Он был абсолютно уверен, что исполнял все возможные дела милосердия. Он накормил голодного и дал ему денег. Но при этом бедняк был унижен – а эта пощечина более ощутима, чем пустой желудок.

Я помню другой случай, совершенно ужасный. Участник Сопротивления во Франции скрывался от немцев. Он забрел на ферму в Оверне и сказал хозяину: «Куда мне пойти, чтобы скрыться?» Тот ответил: «Я готов спрятать тебя в моем доме». – «Да, – сказал участник Сопротивления, – но если меня найдут, тебя могут расстрелять». – «Я христианин, – сказал фермер, – а апостол Павел заповедал нам быть гостеприимными». И он спрятал того человека у себя. Затем пришли немцы и начали допрашивать фермера. И в какой-то момент офицер спросил его: «Этот человек прячется в твоём доме?» – «Да, это так», – ответил фермер. Фашисты схватили того, и, когда его волокли, несчастный воскликнул: «Зачем ты так поступил со мной?» – «Я христианин, – ответил фермер, – я никогда не лгу». Он выполнил две заповеди – и погубил человека. И если понимать заповедь в таком смысле, то ее исполнение ничего не значит. Вы видите, какой ужас это порождает. [...]

Одна из худших вещей, которую на протяжении многих веков делают христиане, заключается в том, что они понимают заповеди Христа так: «Делай это – и будешь спасен. Не делай этого, иначе тебя ждет вечное осуждение». И тогда грех становится не разрывом отношений, а просто нарушением правил. Только Христос вовсе не имел этого в виду...

– Но разве грех – это не нарушение заповеди, то есть все же неких правил?

– Видите ли, по представлениям Нового Завета грех – это неверность. Если ты любишь меня, ты не сможешь мне изменить, если ты мой друг, ты не сможешь предать меня. Если я соглашаюсь быть ниже того, что от меня ожидается, я предаю себя, и по сути это и есть единственный грех – против Бога, против ближнего, против самого себя. Он проявляется самыми разными способами, но и мелкий проступок, и значимое преступление – это неверность. Неважно, переходите ли вы Темзу по Ламбетскому мосту или по Вестминстерскому, – вы все равно оказались на другой стороне. Конечно, неверность имеет разные степени тяжести, но дело не в том, сколько грехов и какие они. Кто-то может поступить очень дурно, не зная, что это плохо. Да, это повредит, потому что дурное всегда приносит вред, но все же это не сравнится с тем, если ты совершаешь плохой поступок *сознательно* – вот тогда ты наносишь себе огромный вред. Вот и все. А деление грехов на смертные и простительные, на мелкие и большие крайне искусственно.

У меня есть пример. Во время войны один из наших офицеров шесть раз выходил из укрытия, чтобы вынести раненых солдат, в какой-то момент его обстреляли из пулемета, и вся его грудь была изрешечена пулями. Его принесли в госпиталь, прооперировали, и он поправился. В ту же ночь к нам в госпиталь принесли молодого солдата. Он стал участником ссоры в пабе, один из его товарищей был пьян, просто махал небольшим перочинным ножом и случайно перерезал тому солдату сонную артерию, так что он поступил к нам, будучи уже на пороге смерти из-за потери крови. И я подумал: пулемет – это смертный грех, перочинный нож

– грех простительный, но оба они могут убить. Так что никогда не следует думать: «Я сделаю это мелкое свинство, ничего страшного», – потому что это неправда.

Есть еще одна история из житий святых XIX века. В Центральной России жил некий Алексей Алексеевич, отшельник, и однажды к нему пришли вместе две женщины. Одна из них совершила какой-то ужасный грех, а вторая сказала: «Я, конечно, грешница, как все, там-сям мелкие грехи». И он ответил: «Хорошо, я покажу вам, в чем тут разница». Затем попросил женщину, совершившую тяжкий грех и не находившую себе утешения: «Пойди в поле и найди самый большой камень, какой сможешь поднять, и принеси его сюда». А вторую попросил: «Иди по тропинке и набери, сколько сможешь, мелких камешков в свой передник». Когда они вернулись к нему, он сказал: «Хорошо. А теперь пойдите обе и положите свои камни на те самые места, где вы их нашли». И тогда женщина с огромным камнем пошла и положила его в ту самую ямку, которая осталась на поле, и вернулась. Другая же отсутствовала два часа и вернулась с передником, полным камней. «Я не могу найти те места, где они лежали», – сказала она. «То же самое, – сказал старец, – происходит с мелкими и большими грехами. В большом можно покаяться один раз и навсегда – и дело закончено. А с „мелкими“ грехами и не знаешь, как от них избавиться».

Так что крайне важна правда, а не смешивание заповедей и военной муштры. И неверно бояться, что сомнение ставит под вопрос все наши отношения с Богом. Напротив!

– В молитве мы просим: «не введи нас во искушение». Но разве искушает Бог, а не дьявол?

– В переводах на большинство современных языков использовано слово «искушение» – «не введи нас во искушение». По-французски это звучит как «не дай мне поддаться, уступить искушению, стать его жертвой». Славянский язык позволяет недвусмысленно истолковать эту фразу как «не испытывай меня сверх моих сил». Смысл в том, что Бог вовсе не искушает нас злом, но ставит нас перед лицом зла (такого, какому мы в состоянии противостоять с Его помощью) и говорит: «Сражайся!»

Есть замечательный отрывок в житии Антония Великого, отшельника в египетской пустыне. Преподобный Антоний прошел через тяжелые искушения, но не поддавался им. После этого он лежал ничком на земле без сил, и тут ему явился Христос. Антоний был даже не в состоянии подняться, но повернул голову к Спасителю и произнес: «Где же Ты был, когда я боролся с искушением?» А Иисус ответил: «Незримо Я всегда был рядом, готовый прийти тебе на помощь, если ты сдашься».

В этом, я думаю, суть того, что происходит. Мы посланы в мир не только ради того, чтобы легко и безболезненно обойти все подводные камни, но чтобы сражаться со злом и победить его. Именно так нас испытывает Христос, но при этом Он всегда незримо присутствует рядом.

– Бог будет судить нас за намерения и мысли, за то, что только собираемся и думаем сделать, или осуждены будут лишь поступки?

– Во-первых, осуждение возможно только в случае, если сделан выбор: то есть за то, что вы сознательно решили что-то сделать или не делать. Во-вторых, хоть я и не хочу затрагивать эту скользкую тему, но все же скажу: я не верю, что в конце концов кто-либо окажется обречен на погибель, мне просто трудно представить, будто Бог столь неискусен, что создал миллионы людей, чтобы потом спасти лишь малую толику, а всех остальных отправить в ад. Представьте, что вы попросили мастера сделать табуретку, а он говорит: «Мне для этого понадобится несколько кубов отборной древесины, ведь я испорчу множество стволов, прежде чем сделаю сиденье на четырех ножках». Разве можно назвать такого человека мастером? Именно это мне приходит на ум, когда я слышу, что лишь немногие спасутся, а остальные погибнут. Разумеется, все непросто, Бог не скажет: «Ну хорошо, ты был не прав, но все равно Я прини-

маю тебя в вечность, и давай забудем обо всем, что было». Я не думаю, что все будет так, но я верю, что должен быть способ искупить содеянное.

В связи с этим меня поражает вот что: в двух Евангелиях приведена родословная Христа, в одном от Адама, нисходящая, а в другом от Божьей Матери, восходящая. В этой генеалогии есть праведники, есть никому не известные личности, есть личности сомнительные, а есть и однозначно греховные, абсолютно бесчестные люди. Не могу поверить, что на них никак не повлиял тот факт, что они оказались среди прародителей Христа и Божьей Матери, во всей полноте и совершенстве отдавшей Себя Богу, чтобы родить Спасителя. Невозможно просто выкинуть из родословия и отправить в ад тех, кто напрямую связан кровными узами со Спасителем всего мира.

И ад, и рай существуют – но существуют уже сейчас. Ад – это отделенность от Бога, а не место, где вас поджаривают. Есть люди, которые уже сейчас находятся в аду, а другие уже вошли в вечность. Но это не то, что случится с нами после смерти. После смерти мы обнаружим, поймем, кто мы и где мы, а сейчас зачастую мы этого не осознаём.

– Иногда кажется, что сегодня ни любви, ни красоты нигде почти не осталось – особенно если послушать новости или пройти в толпе по центру большого города. Что делать?

– Прежде всего, нельзя сказать, что Лондон и даже Нью-Йорк абсолютно лишены красоты. Это зависит от масштаба, в котором вы смотрите. С какой-то точки зрения люди – толпа, безликая толпа: действительно, вспомните час пик в метро или на Оксфорд-стрит. И дома – всего лишь ряды пустых помещений, ведь нам не видно ничего, кроме фасадов. И новости – здесь пожар, там убийство или террористический акт. Есть уровень, на котором, если посмотреть вокруг, кажется, что кругом отчаяние и безнадежность. Но все это – далеко не весь мир. Если взглянуть чуть ниже, на нечто меньшее – там вы снова обнаружите красоту, отношения и любовь. И я сейчас не говорю о Божьем уровне, потому что это не мой уровень, я не могу судить по своему опыту, у меня нет Его ума, Его взгляда, – но есть то, что я могу видеть.

Есть много разрушенных семей, много детей, которые у себя дома почти не получают любви. Но при этом у других людей есть возможность проявить к этим детям свою любовь. И настолько удивительное открытие: обнаружить, что любовь можно проявить даже просто как сочувствие.

Я помню, как незадолго до войны я был в Альпах, в детском лагере, и несколько раз в день проходил мимо фермы – она находилась между нашей столовой и лагерем. Как-то раз фермер остановил меня и воскликнул: «Ты что, полный идиот?» Я подумал: «Он прав, так и есть». Но спросил его: «Почему вы так решили?» – «Ты что, не видишь? Здесь битое стекло, а ты босиком ходишь! Почему ты без обуви?» Я ответил: «Потому что у меня всего одна пара обуви, и она нужна мне в городе». Тогда он посмотрел на меня и сказал: «Ах, у тебя нет обуви!» Он пошел в сарай, принес мне пару ботинок вот такого размера – я в них просто утонул, но сейчас эта пара ботинок для меня – сокровище! Это произошло в 1939 году, а я до сих пор не могу забыть того человека, потому что для меня его ботинки – это символ чуда любви.

Был еще один случай, когда я увидел любовь, чудо любви. Во время оккупации я два дня не ел, потому что не было денег купить еду. Я отправился навестить своего ровесника и, зайдя в его комнату, увидел на столе огурец. Я не мог оторвать глаз от огурца, и мой друг спросил: «Ты ничего не ел?» Я ответил: «Да». Тогда он сказал: «Давай поделим его». И тогда, так как он был благочестив, он стал читать молитву перед едой. И молитва была вот такой длинной, а огурец был вот таким коротким, и я смотрел на него, пытаюсь проследить, как ползет по нему молитва. Но вот огурец закончился, а молитва все продолжалась и продолжалась. Наконец закончилась и она. Тогда мой друг разломил огурец пополам, и каждому из нас достался кусочек около пяти сантиметров длиной. И эти пять сантиметров огурца стали чудом человеческой любви,

солидарности и товарищества. Я так явно ощутил то, о чем годы спустя сказал отец Александр Шмеман: все вокруг – любовь, или человеческая, или Божественная, даже еда, по его словам, – это Божественная любовь, ставшая пищей. И да, для меня этот кусочек огурца был Божьей любовью, излившейся через моего товарища на этот огурец и достигшей меня. Эта еда была священной, хотя она не была священнодейственной, но это было священное действие любви.

Красоту можно также увидеть, если посмотреть на ситуацию не в целом, а в более мелком масштабе. Я помню, как во время войны лежал животом на траве во время обстрела. И так как я старался не высовываться, я не видел ничего, кроме травы и того, что происходило в ней. А происходило вот что: стоял то ли май, то ли июнь, трава была ароматная, зеленая, свежая, и в этой траве был один муравей, который полз и нес маленькую веточку для каких-то своих целей. И знаете, это было так невероятно красиво – голубое небо над головой, солнце, эта зеленая трава и этот муравей, занятый своим строительством, что бы он там ни строил, – и это помогло мне забыть о стрельбе вокруг. Это было слишком красиво, чтобы думать о чем-то другом. И, мне кажется, мы можем научиться сами и научить других видеть красоту в мелочах. Как-то отец Александр дал мне почитать книгу как раз с таким названием – «Малое прекрасно».

Если бы мы, вместо того чтобы посмотреть на маленькую панораму, недостаточно большую для Бога, но подходящую по масштабу для газет или для наших страхов, если бы вместо этого мы смотрели ниже или выше, мы бы увидели красоту и значение в самых незначительных вещах.

– Но смотреть – это одно, а что-то делать, что-то нужное, важное, – совсем другое...

– Я приведу вам один пример. Я работал в русской школе, это было очень давно, и вот неподалеку от нее у дороги сидел нищий. И наши ученики увидели, как один из учителей, проходя мимо, остановился, снял шляпу, что-то сказал нищему – и пошел дальше. И когда он говорил с нищим, тот вскочил и обнял его. Когда учитель подошел к школе, дети обступили его и стали спрашивать: «Это ваш родственник? Знакомый? Почему вы сняли шляпу? Почему он стал вас целовать? Вы ведь ничего ему не дали!» (На самом деле у этого учителя не было денег, он жил в неопикуемой бедности и позже во время немецкой оккупации умер от голода.) Дети не отступали, и в конце концов учителю пришлось рассказать, что он шел своим путем – и увидел того человека. Он не мог дать денег, но почувствовал, что если пройдет мимо, глядя в сторону, тот человек может подумать: «Вот еще один из тех, кто хорошо позавтракал. Я могу умереть, но для него это ничего не значит», – и так он потеряет последнюю надежду на человеческое участие. Поэтому учитель остановился и сказал: «Я вам глубоко сочувствую» – и снял шляпу, чтобы показать, что они на равных. Он стал не просто прохожим, он стал человеком, который говорит с другим человеком. «Извините, – продолжил он, – мне нечего вам дать. Я пришел пешком с другого конца Парижа, потому что не мог заплатить за метро, но простите меня». И нищий его обнял.

Вскоре я познакомился с тем нищим. Он был профессиональным попрошайкой и, вероятно, довольно циничным человеком, но он сказал мне: «За всю мою жизнь никто не дал мне столько, сколько тот человек, который не положил денег». То даяние шло от сердца к сердцу, а не из кармана в шляпу.

Если позволите, я приведу вам еще один пример. Когда я впервые попал в больницу как студент-медик, я увидел ее с двух сторон. С одной стороны, были люди, которые страдали, боялись, умирали. Это была темная сторона. Но там же была и чудесная сторона. Она заключалась не в том, что больные поправятся, – потому что некоторых было невозможно вылечить, их страдание можно было облегчить лишь отчасти, это был 1934 год, и у нас не было таких возможностей, как сейчас. Но чудо заключалось в том, что медсестра, врач, даже студент-медик могли сделать нечто дивное для конкретного человека – не для множества больных, но для

того или иного человека, – подходя к нему, давая ему почувствовать, что его увидели, что он не просто пациент из 31-й палаты, а живой человек, со своим лицом, глазами, голосом, со своей болью, со своим страхом.

Это не так сложно. Нужно совсем немного времени – все зависит от того, как вы смотрите на человека, и тот чувствует: его увидели или просто оглядели. И даже когда вы совершенно беспомощны, даже когда вы знаете, что этот мальчик, или этот молодой солдат, или этот старик, или женщина умрут, что вы больше ничего не можете сделать, и этому человеку придется и дальше страдать, – такое отношение может означать, что вы не оставляете больного. И вместо того чтобы в слезах сетовать: «Я больше ничего не смогу для вас сделать», просто делайте то небольшое, что можете. А можете вы нечто невероятное!

Во время войны один немецкий солдат был тяжело ранен, он лежал без сознания, и у нас был молодой священник пресвитерианской церкви, владевший немецким языком. Он немного посидел с больным, пока тот мог еще хоть как-то реагировать на слова капеллана, а потом вышел и со слезами на глазах сказал мне: «Я больше ничего не могу сделать для этого человека. Он не может никак ответить на мои слова». А я ему говорю: «Не дури. Иди к нему, сядь у постели, чтобы он знал, что рядом с ним кто-то есть, и читай ему по-немецки Евангелие, начиная с воскрешения Лазаря».

И этот молодой священник, мой ровесник, – нам обоим тогда было примерно по 25 лет – в течение трех дней по несколько часов сидел и читал больному, делал перерывы, а потом вновь принимался читать. Перед смертью тот солдат пришел в себя и сказал мне: «Спасибо, что заставили его читать мне Евангелие. Я слышал каждое слово, и это так много значило для меня, но ответить я никак не мог». Так что даже в такой мелочи был смысл. И, я думаю, мы должны научиться видеть красоту в том, что достаточно малю, чтобы быть красивым, но слишком малю, чтобы быть очевидным, – порой всего лишь улыбка, как, например, у детей, порой то, что на тебя кто-то смотрит и говорит, что видит тебя.

Я вспоминаю, как работал в той же русской школе, о которой уже говорил, и там была девочка, которая весь мой урок проплакала (не из-за того, как я преподавал). Когда она выходила из класса, я ее остановил и сказал: «Никогда не отчаивайся, всегда найдется выход». И все. Двадцать пять лет спустя она случайно нашла меня (она не знала, что я стал священником) и сказала: «Я всегда помнила об этом, потому что в тот день благодаря вам я смогла жить дальше». А ведь это была такая мелочь, и я не знал, в чем была проблема.

В этом смысле можно сделать очень много, но нужно самому научиться видеть красоту, видеть или воплощать любовь, и тогда можно что-то передать. Можно превратить жизнь во что-то иное, а не в ад, который мы творим, говоря: «Раз я не могу сделать много, не буду делать и мало».

– Некоторые вещи сегодня звучат иногда странно – о девственности, например. Можно ли сказать, что чем больше свободной любви, тем меньше нравственности? И не сложнее ли поэтому сегодня строить отношения с Богом, чем сто лет назад?

– Сто лет назад люди говорили: «Пятьдесят лет назад все вокруг было по-другому, а сейчас перед нами новый мир». За свою короткую жизнь (я имею в виду, что это не сто и не двести лет) я знал один мир ребенком, другой мир подростком и молодым человеком и третий мир с разнообразными изменениями, которые произошли за последние сорок лет. Каждый раз это был новый мир. Например, в течение целого отрезка времени у меня не получалось найти общий язык с молодыми людьми, рожденными после Второй мировой войны, – возможно, потому, что сам я вырос между двумя войнами. Несколько лет назад, мне кажется, я начал понимать этих людей, и они стали понимать меня. Каждое поколение сталкивается с такой проблемой.

Другое дело, что есть трудности, которые возникают не оттого, что люди не верят в Бога, а потому что они не видят, как так или иначе разрушают себя самих. Один французский писатель в пьесе «Юдифь» вложил в уста своей героини такую фразу: «Беда в том, что никто не знает, что такое девство, пока не лишится его». И очень многое происходит именно так. Мы не понимаем, кто мы и чем обладаем, мы понимаем лишь, что мы утратили. Утешение в том, что, в частности, девственность – это не медицинское определение, это нечто намного большее, охватывающее всю личность. Я помню, как в беседе о браке Карен² сказала: «Девственность – это не то, что нам дано, а то, чего нужно достичь». На самом деле это совпадает с тем, о чем говорит святой Василий Великий (так что, как видите, Карен, оказывается, может мыслить как Василий Великий). Он говорил: «Я никогда не знал женщины, и все же я лишен девственности, потому что по-разному отношусь к мужчинам и женщинам. Мне здесь далеко до гармонии». Поэтому для меня это не вопрос нравственности или церковных указаний: «Ты должен вести себя так или иначе», а вопрос: «Что ты делаешь с самим собой, поступая так? Что ты этим разрушишь (быть может, нечто еле уловимое)?» Всякий раз, говоря: «Мне и так хорошо» или «Я сделаю, как мне хочется, а там посмотрим», ты умаляешь себя, теряешь свое достоинство. Поэтому, я думаю, здесь снова идет речь о том, кто такой и что такое человек. Кто я – нечто незначительное, просто развитое животное или животное, которое может думать о себе в категориях величия, красоты и целостности?

Я помню, как один молодой человек рассказывал мне, что довольно много экспериментировал в «свободной любви», и однажды, вспоминая он, «когда я сообщил своей последней девушке, что она мне надоела и что я нашел себе новую подружку, я вдруг внезапно осознал, как сильно это ее ранило. И я понял, что больше никогда так не поступлю». До этого он не чувствовал, как ранит другого человека, не говоря уж о том, что делает с самим собой. Поэтому опять-таки вопрос в том, какого качества человеком ты являешься. Оставьте Бога в покое, спросите себя: кто я? Это не вопрос дисциплины: «Я не буду воровать, потому что это запрещено. Я не буду делать это, я не буду делать то». Это вторично. Святой Августин говорил: «Люби и делай, что хочешь» – потому что любовь не позволит вам сделать очень многое из того, что может причинить боль или вред.

Мы очень легкомысленно пользуемся словом «любовь». Мы применяем его где угодно – от «я люблю клубнику со сливками» до «я люблю Бога». Вы читали «Письма Баламута»? Тогда вы помните, как старый бес объясняет, почему он не может понять, что имеет в виду Бог, когда говорит: «Я люблю Свои творенья». Потому что Он говорит, что любит вас, и отпускает вас на свободу. «Я тебя люблю, – говорит бес своему племяннику, – но это значит, что я хочу тебя взять в свои когти, тебя проглотить, тебя переварить так, чтобы от тебя не осталось бы ничего вне меня».

Что ж, именно так часто поступаем и мы – в большей или меньшей степени. Но это вопрос о человеке. Первый вопрос: «Человек ли я?» В зависимости от той меры, в какой я являюсь человеком, передо мной открываются новые горизонты. И пока я не человек, Бог для меня, должно быть, такой Бог, которого я готов отвергнуть, – это Бог-судья, это Бог-шпион, это Бог злопамятный, Бог-ужас. Если бы Бог был только таким и никаким больше, тогда Он был бы мне не интересен. Пусть бы тогда в конце времен Он отправил меня в ад, и с этим было бы покончено, потому что я ничего не мог бы с этим поделать. И, конечно, Он может так и поступить, но это уже другой вопрос.

– Как молиться по-настоящему, чтобы Бог слышал? Когда читаешь молитвы по молитвослову, иногда кажется, что молишься просто «на автомате».

² Постоянная прихожанка митрополита Антония, из бывших хиппи.

– Не может быть ответа, когда нет призыва. Молитва становится подлинной не тогда, когда повторяет мистический опыт святого. Молитва подлинна тогда, когда я стремлюсь поговорить с Богом, когда я жажду Бога и в то же время готов к тому, что Он может и не откликнуться на мой зов – потому что Бог так же свободен, как я. Я не могу сказать Ему: «У меня тут выдалось свободных полчаса, я хочу с Тобой поговорить – предстань предо мной». Он не обязан выполнять этот приказ, пока мы не откроемся Ему и не скажем: «Господи, я распаиваю свою душу навстречу Тебе, я хочу быть с Тобой, хочу побыть с Тобой в тишине. Да, я буду произносить какие-то слова, но я постараюсь вложить в них всю свою душу, настолько полно, насколько смогу». Или: «Я хочу помолчать в Твоем Присутствии, и в эту тишину я вложу все мое стремление быть с Тобой, всю мою любовь к Тебе и всю мою веру». Выразить эту мысль можно по-разному. Но повторять слова молитвы автоматически – это все равно что подносить Богу хлеб и вино, сказав: «Хватит с Тебя и этого».

Я очень люблю историю, которая произошла с одним западным святым. Он был священником в приходе в окрестностях Лиона, в крошечной деревушке. И у него был пожилой прихожанин, который приходил и долго сидел в церкви. И вот однажды священник спросил: «Дедушка, зачем ты так подолгу сидишь в церкви? Твои губы не движутся, не шепчут молитву, ты не перебираешь четки... Что ты делаешь все это время?» И этот человек ответил: «Я смотрю на Него, Он смотрит на меня, и нам так хорошо вместе». Вот это я бы назвал таинством молитвы в самом глубоком смысле этого слова. Это и есть мистический опыт, общение на глубине, за пределом слов и эмоций, вне колеблющихся мыслей. Это приобщение одного существа другому, общение одной сущности с другой.

– Если я влюблен в девушку, стоит ли мне молиться о ней и просить Бога, чтобы она ответила на мое чувство?

– Вы можете молиться за тех, кого любите. Правда, при определенных условиях. Сейчас уже не вспомню, хотя стараюсь быть точным и, цитируя, всегда называть автора, но я не могу вспомнить, кто сказал, что если мужчина влюблен в девушку или девушка влюблена в мужчину, и их одолевает похоть и вождление, лучше не молиться за предмет любви, а препоручить его Богу. Молитва в данном случае лишь сконцентрирует на предмете страсти, и дьявол может этим воспользоваться.

Кстати, тот же принцип, наверное, применим, если вы кого-то ненавидите. В какой-то момент вы можете оказаться не в состоянии нести собственное бремя, не то что взять на себя чью-то вину.

– Как молиться за людей, которые совершили какие-то страшные злодеяния?

– Есть место в трудах Макария Египетского, где говорится: «Молиться за кого-то – значит заявить перед Богом готовность взять на себя бремя этого человека». «Поэтому, – утверждает Макарий, – Церковь запрещает нам молиться о сатане, ибо только Христос может взять на Себя его бремя». Я думаю, что это относится также и к совершившим страшные злодеяния людям. Существуют те, кого, я бы сказал, нужно вверить Божьему попечению, а не брать на себя их тяготы.

– А за Иуду можно молиться?

– Это по силам святым, но будьте осторожны, беря на себя бремя, которое вам не по силам. Если сомневаетесь, обратитесь к Богу: «Господи, я не знаю, под силу ли мне молиться об этом, но я бы хотел, чтобы Ты спас Иуду. Я не могу молиться о нем, потому что не могу взять на себя его бремя. Я не знаю, насколько оно тяжело».

А за сатану таким же образом молиться невозможно.

Я сам как-то совершил ошибку. Когда-то я говорил приходившим ко мне жестоко искушаемым, попавшим в серьезную беду людям: «Когда дьявол приступит к вам, скажите ему: „Отправляйся к отцу Антонию“. И вы будете свободны от него». Это сработало, только не для меня. Меня чуть не погубила моя глупость, или гордыня, или уверенность, что священнический сан поможет устоять там, где другие устоять не в состоянии. Так или иначе, я был неправ. Сейчас я знаю это наверняка, поэтому и говорю, что не стоит молиться за другого, если вы не уверены, что сможете принять его тяготы на себя.

Повторюсь, иногда вы даже не можете знать, какое бремя собираетесь на себя взвалить. Вы не знаете, каково это – быть Иудой. Не знаете, что значит быть Каином или самим сатаной. Можно привести в пример и каких-нибудь современных чудовищных злодеев. Каким бы богатым ни было воображение, трудно представить, что значит быть доктором Менгеле или другим подобным ему извергом любой национальности, любой масти. Но всегда можно сказать: «Господи, я не знаю, могу ли я молиться, потому что бремя этого человека слишком тяжело или я просто не знаю, каково оно, но я прошу Тебя, чтобы Ты не оставил его». Конечно, Бог заботится о людях, даже если мы об этом не просим, и все же есть такая вещь, как сопричастность.

– Что происходит с людьми, за которых некому молиться?

– Думаю, о них заботится Бог.

– Но насколько нам вообще необходимо молиться за кого-то?

– Я думаю, это вопрос ответственности и любви. Вас никто не заставляет любить другого человека, но ведь кого-то вы любите. Ничто не может заставить вас брать на себя ответственность за другого человека. К примеру, почему врач или медсестра заботятся о больном? Почему полицейский рискует своей жизнью, чтобы предотвратить нападение на незнакомого пожилого человека? Зачем им все это? Можно просто пройти мимо, сказав, что это меня не касается, пока не нападут на меня лично. Но мы же так не поступаем. Если нам не чужды сострадание и чувство ответственности, нам приходится вмешиваться в такие ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.